

³³ См., напр.: *Арутюнов С.А.* Современный быт японцев. М., 1968; *Пронников В.А., Ладанов И.Д.* Японцы. Этнографические очерки. М., 1983; *Светлов Г.Е.* Путь богов (синто в истории Японии). М., 1985; *Христофорова М.Е.* Самосознание современной японской женщины и ее положение в обществе // Япония 1987. Ежегодник. М., 1989. С. 212–225, и др.

³⁴ *Агапов Б.Н.* Шесть загранич. М., 1974.

³⁵ *Караев К.* Японские впечатления // Вышка. 1969. 16 марта. № 64. С. 15.

³⁶ *Симонов К.М.* Япония – 46. М., 1977.

³⁷ *Бубнова Л.М.* Моя работа в Японии (РГАЛИ, ф. 2486, оп. 1, д. 582, л. 9–13).

³⁸ *Эренбург И.* Путевые записи: Япония. Греция. Индия. М., 1960. С. 65.

³⁹ *Дунаев В.И.* Японцы «на рубежах». М., 1983; *Ефимов М.Б.* Японские вертикали. М., 1987; *Овчинников В.В.* Сто первый лик Фудзи. Японские репортажи. М., 1975; *его же.* Сакура и дуб. М., 1983; *Тавровский Ю.В.* Двухэтажная Япония: Две тысячи дней на японских островах. М., 1989; *его же.* Загадки «японского духа». М., 1989; *Федоренко Н.Т.* Японские записки. М., 1966; *его же.* Краски времени. Черты японского искусства. М., 1972; и др.

⁴⁰ Япония и мировое сообщество... С. 12.

© 2010 г. Д. С. СЕКИРИНСКИЙ*

М.С. ГОРБАЧЕВ, ПЕРЕСТРОЙКА И АМЕРИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: 1985–1991 годы

Восприятие различными группами американского общества (общественным мнением, экспертным сообществом и политическим истеблишментом) Перестройки в Советском Союзе в 1985–1991 гг. носило комплексный, разноплановый и вариативный характер. Соответственно и начавшийся анализ этого многомерного процесса в научной литературе¹ не мог избежать избирательности и порой фрагментарности. Имея в виду дальнейшую разработку темы, следует учитывать, что американское расследование (советология) не тождественно общественному мнению США, а изучение последнего нельзя проводить только на основе социологических опросов. Важную роль в этом плане может сыграть обращение к периодической печати. Рассматривая американское восприятие Перестройки в СССР в его историческом становлении и эволюции необходимо исходить из того, что изначально для американских наблюдателей на первом плане оказался именно новый советский лидер, который постепенно обнаруживал непривычную для людей его типа способность до известных пределов изменяться, что и позволило ему практически до конца Перестройки не терять своего лидирующего положения среди ее действующих лиц, привлекавших внимание в США.

До прихода к власти М.С. Горбачева и появления осязаемых признаков перемен, СССР 1970-х – начала 1980-х гг. воспринимался на Западе как страна, где ничего не происходит. Профессиональным наблюдателям и экспертам, по выражению одного из них, приходилось «следить не за событиями, а за их отсутствием»². Согласно произведенным американскими экспертами расчетам, в 1980 г. средний возраст члена Политбюро ЦК КПСС составлял 70.1 год (против 55.4 года в 1952 г.); средний возраст члена президиума Совета Министров СССР – 66.8 лет (против 54.1 в 1952 г.). Лишь 7% членов Политбюро и президиума Совета Министров были моложе 60 лет³. Когда же, наконец, пост советского лидера занял, как отмечалось в американской прессе, самый молодой за все время после смерти Сталина человек⁴ и впервые за 3 истекших с тех пор десятилетия на вершине советской власти произошла смена поколений высших руководителей⁵, ситуация для зарубежных наблюдателей стала интригующей.

К марту 1985 г. пресса США сумела раздобыть о Горбачеве гораздо больше информации, чем мог знать о нем обычный советский человек. Вниманию американцев,

* Секиринский Денис Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

умевших ценить личный успех, предлагался портрет человека, совершившего, согласно оценкам американской журналистики, головокружительный взлет из трудовой сельской глубинки на Ставрополье до высших этажей политической власти. Но, выясняя ключевые факторы этого успеха, американская пресса видела и другое: Горбачеву посчастливилось найти могущественных покровителей в лице секретаря ЦК КПСС Ф.Д. Кулакова, главного партийного идеолога М.А. Суслова и, наконец, Ю.В. Андропова. Вместе с тем за Горбачевым признавались – тоже располагавшие к нему американскую публику – необычайная напористость и личное обаяние, позволившие ему выдвинуться среди равных и сохранить за собой ореол успеха, несмотря на постигшие его крупные неудачи в области сельского хозяйства, которое он курировал в 1978–1984 гг. Импонировала наблюдателям из США и продемонстрированная Горбачевым заинтересованность в использовании материальных стимулов повышения уровня производства продуктов питания в СССР. Фиксировался его очевидный интерес к международным делам, который вызывал надежды на перемены в советской внешней политике. Все эти сведения, оценки и чаяния – характерный для информированной американской журналистики факт – накапливались загодя в предчувствии восхождения Горбачева на самый верх, и были «выплеснуты» на американских читателей в тот же месяц, когда 11 марта 1985 г. он был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС. Именно предусмотрительная заблаговременность позволила профессиональному «мастеру новостей» Т. Батсону, «новостному» редактору «Нью-Йорк Таймс», завершить и выпустить книгу с пока еще подчеркнуто нейтральным названием – «Горбачев: Биография»⁶, как только его избрание стало свершившимся фактом и топ-новостью для западных СМИ.

Нейтральность оценок – характерная черта первых суждений американской прессы о Горбачеве. Указывая на положительные личные качества Горбачева, обозреватель «Тайм» Х. Сиди одновременно отмечал, что все эти характеристики мало дают для понимания того, как Горбачев поведет себя в качестве лидера сверхдержавы и вряд ли дадут ответ на вопросы, как ему удалось достичь таких вершин? Почему избрали именно его? Традиционно для американского восприятия России Сиди апеллировал к «непостижимости русской души»⁷. Эти вопросы, на которые американским наблюдателям было сложно еще дать определенные ответы, нашли отражение и на обложке журнала «Тайм»: «Новый московский босс: молод, приятен и, возможно, грозен»⁸.

На пресс-конференции, созванной 11 марта 1985 г. – в день избрания Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС, президент США Р. Рейган заявил, что «крайне сложно предсказать, что бы то ни было» в отношении нового советского лидера⁹. Чуть более одного месяца потребовалось Рейгану для того, чтобы сформулировать свои первые впечатления относительно будущих шагов Горбачева. По результатам состоявшегося 19 апреля 1985 г. в Белом доме совещания Президента США с американским послом в СССР А. Хартманом, у Рейгана сложилось мнение, что новый Генеральный секретарь ничего нового по своей сути не представляет, целиком привержен традиционным советским целям и «будет не менее жестким, чем любой из их вождей»¹⁰.

Год наблюдений, прогнозов и анализа действий нового советского лидера вылился в ряд пробных работ исследовательского характера о Горбачеве в среде советологов. Одним из первых стал профессор Принстонского университета, специалист в области советской политики и истории С. Коэн, издавший уже в конце 1985 г. работу «Советикус: Американские ожидания и советские реалии»¹¹. В ней он выразил поначалу осторожное мнение о новом советском лидере, как о возможном реформаторе, указав на ряд трудностей. Даже если у него и присутствовал реформаторский склад ума, что для Коэна (как и Запада в целом) не было в тот момент априорной истиной, ему пришлось бы потратить немало времени на укрепление своих позиций и личной власти. Кроме того, подыскивая себе помощников в среде сравнительно молодых партийных секретарей из глубинки, склонных к впадению в крайности, новому советскому лидеру необходимо было не ошибиться в выборе между консерваторами и реформаторами. Сама по себе смена поколений партийной элиты, начатая Горбачевым, не служила, по Коэну, гарантией «реформ сверху». Советолог не допускал тогда и мысли о том, что Горбачев

зайдет гораздо дальше ограниченных, с его точки зрения, реформ в духе «оттепели» Н.С. Хрущева. Отражая сомнения западного сообщества, Коэн подводил итог своих рассуждений отнюдь не оптимистично: «реформатор Горбачев может и не прийти»¹².

Пока аналитики строили только более или менее вероятные догадки и предположения, основанные на общем анализе ситуации в СССР и известных им фактах из прошлой жизни Горбачева, опрос общественного мнения в США накануне первой встречи Рейгана и Горбачева в Женеве в ноябре 1985 г. продемонстрировал полное недоверие американцев к мирным инициативам советского лидера. Лишь 13.76% опрошенных оценивали его предложения как «действительно серьезные», тогда как 60.06% полагали, что за идеей сокращения стратегических вооружений стоит стремление повлиять на мировую общественность, сделав имидж СССР более привлекательным¹³. Вместе с тем уже в ноябре 1985 г. 31.58% американцев полагали, что внутренняя политика СССР при Горбачеве стала «более либеральной», только 12.41% считали ее «более репрессивной», а 46.68% утверждали, что ничего не изменилось¹⁴.

Явное повышение интереса к Горбачеву и «советскому вопросу» наблюдалось в США с начала 1986 г. Этому способствовал первый после затянувшейся паузы советско-американский саммит в Женеве в конце 1985 г., а также последовавшее за ним новогоднее телевизионное обращение Генерального секретаря ЦК КПСС к американскому народу и ряд других его выступлений в американских СМИ с инициативами внешнеполитического характера. Анализируя реакцию на выступления Горбачева в США, советский посол в Вашингтоне А.Ф. Добрынин указывал на 3 важных, с его точки зрения, момента: во-первых, неожиданность и необычность обращения советского руководства, позволившие СССР достичь «нового пропагандистского выигрыша», поставив президента США «в положение обороняющегося»; во-вторых, — «сильное недовольство» и раздражение Рейгана, которого, по мнению американской общественности, Горбачев «переигрывает» в вопросах международной политики; в-третьих, американские СМИ опасались отмены или отсрочки намеченных на 1986 г. советско-американских переговоров по разоружению. Горячие споры, согласно сообщению Добрынина, вызвал вопрос о том, кто будет больше виноват — искусный дипломат Горбачев, выставяющий своими инициативами Вашингтон в невыгодном свете, или же «состоятельная жесткость и негибкость Рейгана»¹⁵.

Между тем западные СМИ все чаще цитировали Горбачева, а нью-йоркское издательство «Ричардсон и Стерман» даже опубликовало книгу речей советского генсека под символичным названием «Грядущее столетие мира»¹⁶. В середине 1986 г. в США была выпущена биография Горбачева, подготовленная бывшим советским ученым, известным диссидентом Ж.А. Медведевым, высланным в 1973 г. из СССР и жившим в эмиграции в Лондоне. По мнению Медведева, новый советский лидер и его сторонники в руководстве страны со своей командой могли стать предвестниками нового поколения, менее склонных к паранойе, более квалифицированных лидеров, хотя следует учитывать, что Горбачев и его команда — «продукты системы, а не ее творцы». Поэтому, они скорее ориентированы на усовершенствование и преемственность, чем на широкие, смелые реформы. «Уже стало полностью ясно, что Горбачев не является ни либералом, ни отважным реформатором. Вместо структурных реформ он избирает небольшие изменения, административные методы и робкие попытки обновления экономики. Но есть признаки того, что он не сделал еще свой последний выбор». В целом Медведев склонялся к мнению, что харизма Горбачева не сотворит чуда в условиях лишнего иллюзий советского общества¹⁷. Подводя итоги первому году правления Горбачева, Медведев видел лишь «резюми без реформ»¹⁸ и «баталию против бутылки»¹⁹ в экономике, превосходную «личную дипломатию»²⁰ при легко предсказуемой внешнеполитической стратегии, не предвещавшей сюрпризов²¹. Подобная оценка отражала настроения той части западных аналитиков, которые не ждали от «Горби» ничего принципиально нового. Однако как раз выход книги Медведева показал, что более или менее развернутые оценки постепенно набравшей обороты политики перестройки не всегда успевают за темпами перемен в Советском Союзе. Именно это обстоятельство

отметил в своей рецензии на труд Медведева С. Шеман, шеф Московского бюро «Нью-Йорк Таймс», подчеркнув, что автор завершил работу над книгой раньше, чем прошел первый год пребывания у власти нового советского лидера, еще до проведения XXVII съезда КПСС, на котором Горбачев «оформил свою команду и уточнил программу». И, следовательно, «исследование Медведева по определению ограничено»²².

Со второй половины 1986 г. реформаторский образ Горбачева стал уже привычным для западной публицистики. Примером подобного подхода в США может служить работа Д. Додера «Тени и слухи: Силовая политика изнутри Кремля от Брежнева до Горбачева»²³. Ее автор – глава московского бюро «Вашингтон Пост» в 1981–1985 гг. и в начале 1986 г., специалист, писавший статьи по СССР и Восточной Европе, начиная с 1968 г. Он попытался проследить предысторию зарождавшейся в СССР перестройки и познакомить западного читателя с происходившими в стране переменами. Для этого автор использовал обширные цитаты из официальных речей Горбачева, изучал «общественное мнение» в очередях Москвы, сопоставлял увиденное с недавним прошлым, в том числе, обращаясь к биографии советского лидера, задавался вопросом о причинах первоначального выбора им юридического образования. «Юридическая школа в те годы, – отмечал Додер, – не была лучшим выбором... Сталинский деспотизм признавал лишь один закон – закон его собственных приказаний. Но Ленин был адвокатом»²⁴. По Додеру выходило, что Горбачев уже в юные годы как бы подсознательно разграничивал сталинский режим, еще не осужденный XX съездом КПСС как «культ личности», и ленинское наследие. Приход Горбачева к власти был представлен Додером в рамках концепции спланированной борьбы сторонников будущего гenseка во главе с А.А. Громыко и его противников в лице В.В. Гришина и Г.В. Романова²⁵. В Горбачеве публицист обнаруживал не только честолюбивый порыв к власти, но и «чувство мессианства»²⁶. Авторство идеи реформ Додер приписывал Андропову, полагая главной их сутью изменение «психологического настроения страны». Наследником, «использовавшим андроповский подход более энергично, чем мог ожидать его наставник», виделся данному автору Горбачев²⁷. По Додеру, он руководствовался экономической необходимостью, а не «мечтами о... великолепном коммунистическом будущем», опираясь на интуицию, стремясь «изменить образ жизни и мышления русских»²⁸. Главная задача нового советского лидера, по мнению Додера, – перестроить основы неэффективной и архаичной экономики, социальных и политических институтов, которые не позволяют его стране вступить в век высоких технологий, следовательно, ставят предел ее роли как ведущей мировой державы. При этом Додер подчеркивал, что под влиянием черныбыльской катастрофы, случившейся в апреле 1986 г., «Горбачев изменился... и, похоже, продолжает меняться»²⁹.

Одним из первых комплексных исследований, появившихся в США и вызванных к жизни начавшимися в Советском Союзе переменами, стала увидевшая свет к середине 1986 г. книга директора Института по изучению международных изменений Колумбийского университета С. Биалера «Советский парадокс: внешняя экспансия и упадок внутри страны». По мнению этого эксперта, если с избранием Горбачева у советских людей появились новые надежды, то «для советолога... анализ советской политики вновь стал увлекательным делом»³⁰. При этом, как утверждал Биалер, «Горбачев – не временный вождь. Он пришел руководить надолго». И не столь важно то, что он принадлежит к новому, послесталинскому поколению руководителей. «Действительно важно то, что Россия снова обретет постоянство руководства в высших эшелонах с энергичным и, вероятно, сильным человеком на самом верху... В настоящее время, когда необходимость изменений и преодоления инерции широко признана в Советском Союзе, новый руководитель будет подталкиваться к новаторской политике как собственными устремлениями, так и императивами укрепления своей власти, а также позициями советских элит»³¹. В подтверждение своего вывода Биалер ссылаясь на «лидера одной из ведущих промышленных демократических стран», который в частной беседе сказал американскому эксперту, что «Горбачев, по всей вероятности, будет оцениваться будущими историками как один из главных реформаторов в русской и советской истории»³². Выясняя

взгляды и настроения главы партии и «узкого круга» его сподвижников, Биалер пришел к заключению, что они представляют «вне всякого сомнения, направление в сторону реформ, обозначенное более острой критикой сложившегося положения, и еще более откровенными, более решительными заявлениями о необходимости изменений, чем те, которые делались при Андропове»³³. Однако, как полагал Биалер, бросается в глаза «несоответствие между суровыми и честными оценками плачевного положения советского общества и народного хозяйства и относительно робкими действиями, которые предпринимаются или предлагаются для выправления дел»³⁴; всем критическим выступлениям такого рода не хватает «глубокого проникновения в коренные причины роста социальных и экономических трудностей до нынешних масштабов». Устанавливая эти причины, Биалер высказывался вполне определенно: «сама сущность системы»³⁵. Поэтому, минимум того, что, по его мнению, необходимо было сделать для изменения ситуации – начать экономическую реформу, предусматривающую введение рыночных механизмов. Но, скорее всего, полагал Биалер, нынешнее руководство не собирается осуществить радикальные изменения системы в обозримом будущем³⁶. Тем не менее, если раньше перед Советским Союзом стояла дилемма: либо осуществление значительных преобразований, либо замедление движения вперед, то сейчас предстоит выбор между реальными улучшениями и регрессом. Поэтому «без крупных реформ остановить скольжение советской экономики вниз не удастся и ее эффективность будет падать далее»³⁷. В целом Биалер полагал, что к осуществимости крупных реформ в СССР следует относиться осторожно³⁸. Сдержанность Биалера в данном вопросе поддержал в июле 1986 г. и рецензент его книги – Питер Реддевэй, руководитель Института перспективных русских исследований Дж. Кеннана, упрекнув, однако, автора, что тот и сам иногда поддается «временной эйфории», вызванной, как внутри Советского Союза, так отчасти и на Западе, приходом к власти нового лидера³⁹.

1987 г. характеризовался всплеском исследовательской и публицистической активности в «советском вопросе». Возросший интерес к личности Горбачева проявился в непривычно длинном списке его биографий, вышедших в США⁴⁰. Содержательное наполнение и направленность этих изданий определялись не только все большим интересом к личности и подробностям жизненной судьбы советского лидера, но и рядом вопросов относительно его характера и политических намерений, которые оставались неясными для наблюдателей и экспертов из США. Если одни авторы были склонны акцентировать внимание, прежде всего, на внешнеполитических инициативах Горбачева, характеризую его применительно к «домашним» делам в области экономики скорее как консерватора⁴¹, то другие отмечали, что, хотя он и «подчеркивает значение дисциплины, но также демонстрирует и гораздо больше гибкости» внутри страны, чем это принято иногда считать⁴². Способен ли Михаил Горбачев уничтожить то, что сделал Сталин в Советском Союзе? Даже хочет ли он этого? – такие вопросы составляли один из ведущих мотивов книги М. Фрэнклэнда «Шестой континент: Россия и сотворение Михаила Горбачева», изданной в США осенью 1987 г. Ее автор – московский корреспондент «Обсервер», лондонской воскресной газеты умеренно-консервативного направления, был скорее скепичен в своих ответах, хотя окончательных выводов он не делал⁴³. «Но в этой стране, во всяком случае, мы хотим знать кое-что еще [о том, что происходит в СССР], – недоумевал К. Уитни, шеф вашингтонского бюро «Нью-Йорк Таймс» в ноябре 1987 г. – Что нам следует думать о горбачевских реформах? Надо ли нам помогать ему, или, наоборот, помочь ему только нанесет нам ущерб? И, другая сторона дела, хочет ли Горбачев надуть нас в сфере сокращения вооружений с тем, чтобы получить шанс укрепить свою рахитичную экономику, единственно с целью заставить нас отступить и воспользоваться этим позднее в своих интересах?»⁴⁴. Несмотря на то, что 1987 г. прошел под знаком таких неразрешенных вопросов, его итоги оказались неожиданными для западной общественности и политической элиты. Голосование читателей «Тайм», одного из авторитетнейших журналов США, сделало Горбачева «человеком 1987 года»⁴⁵. Звание, присвоенное советскому лидеру, свидетельствовало, что именно Горбачев в ушедшем году, по мнению американцев, создавал главные мировые

новости. 20 лет спустя после начала Перестройки, А. Строус (Ira Straus), специалист по России, руководитель натовской исследовательской Комиссии по Восточной Европе и России, специально отметил рубежное значение 1987 г., когда, по его словам, пришло понимание, что «фундаментальные изменения стали реальностью»⁴⁶.

Согласно данным опросов общественного мнения, в октябре 1986 г. 43,6% американцев относились к Горбачеву благосклонно, в то время как 46,9% оценивали его негативно⁴⁷. В июле 1987 г. первая группа респондентов выросла до 52,9%, а численность второй сократилась до 28,5%⁴⁸. В 2 раза – с 9,5 до 18,7% – выросла и группа опрошенных, затруднившихся дать определенный ответ на вопрос о роли Горбачева, причем, если в конце 1986 г. нейтральный ответ формулировался как «не знаю», то летом 1987 г. он трансформировался в «знанию недостаточно», что было символично. Америка не просто терялась в догадках о роли Горбачева в развитии своей страны и всего мира, но начинала задумываться, а это в отношении иностранных лидеров случалось не часто, поскольку простые граждане США в вопросах внешней политики предпочитали доверять СМИ и Белому дому. Позиции же прессы и администрации Р. Рейгана⁴⁹ в оценках «Горби» уже радикально расходились, что и создавало определенное замешательство в обывательской среде. После провозглашения Горбачева журналом «Тайм» по итогам 1987 г. «человеком года», событием следующего года для самого журнала стало издание биографии советского лидера в книжном формате⁵⁰, поскольку за более чем 60-летнюю историю «Тайм» его публикации никогда не выходили за рамки еженедельного формата. Однако интерес к личности Горбачева и объем материалов, собранных о нем, были столь велики, что издание насчитывало почти 300 страниц не формализованной биографии советского лидера, содержавшей глубоко личную историю живого и яркого человека. В красочном, насыщенном анекдотичными ситуациями последних лет введении С. Тэлботт, шеф вашингтонского бюро «Тайм», попытался всесторонне охарактеризовать Горбачева. Правда, в рисуемом им портрете чувствовалась определенная неуверенность. Горбачев вызывал симпатию, ему хотелось верить; но одновременно его успехи, в том числе в сфере связей с общественностью, пугали и настораживали. Тэлботт напоминал читателям громыковскую фразу о «стальных зубах за милой улыбкой» Горбачева⁵¹, заявлял, что Кремль при Горбачеве формулирует предложения по разоружению быстрее, чем администрация Рейгана успевает отвергать их⁵²; ссылаясь на слова Горбачева о том, что советской внешней политике необходима «peredyshka» в изматывающем соревновании гонки вооружений⁵³. Эти и многие другие «штрихи к портрету» Горбачева можно было трактовать двояко, имея в виду характерное для американцев мнение о желании СССР «выиграть время» для последующего наступления на Запад с новыми силами. Спад скептицизма в оценке Горбачева и значительный рост интереса к политике перестройки и ее инициатору демонстрировало изданное в 1988 г. коллективное исследование «Реформы Горбачева: Американские и японские оценки»⁵⁴. Ведущие эксперты США и Японии, принявшие участие в проекте, признавали отнюдь не косметическую суть перемен в СССР, «превзошедших ожидания советологов»⁵⁵, хотя размах изменений в сфере советской внутренней политики, как полагали исследователи, во многом превосходил достижения в области политики внешней⁵⁶. Несмотря на это, советологи отмечали радикальный характер советских реформ, призванных реализовать стремление Горбачева к сохранению Советским Союзом статуса мировой державы в XXI в.⁵⁷

О «феномене Горбачева» на Западе всерьез заговорили именно в 1988 г. Инициатором стал профессор истории Пенсильванского университета М. Льюин (Lewin)⁵⁸, чья работа «Феномен Горбачева: Историческая интерпретация» была издана Калифорнийским университетом⁵⁹. Историк поставил перед собой задачу дать ответ на вопрос, как «феномен Горбачева» стал одновременно необходим и возможен. Подкупала уже сама попытка такого истолкования, за которой стояло признание масштабности инициированных Горбачевым перемен уже на первом этапе Перестройки, когда, казалось, еще нельзя было дать адекватной оценки возможным результатам его первых шагов. В этой связи Льюин называл свое исследование работой «в жанре истории современно-

сти»⁶⁰, рассматривая «феномен Горбачева» через призму становления советской экономики и общественной структуры, начиная с октября 1917 г. Для этого он предпринял исследование широкого историко-социологического характера. Основной акцент в книге был сделан на социальных изменениях, пережитых Россией, начиная с 1917 г. до современности, процессе перемещения населения из деревни в город и наиболее характерных последствиях урбанизации, включая рост числа образованных специалистов, разделяющих позиции и ценности среднего класса. Составным элементом и продуктом процесса формирования новой советской интеллигенции в условиях форсированной урбанизации и был происходивший из крестьянской среды Горбачев. Таким образом, с работой механизмов экономического управления, внедренных в жизнь в 1930-х гг. и ставших причиной кризиса начала 1980-х гг., он был вполне знаком. Именно этот жизненный опыт, по Льюину, и стал причиной феноменальной горбачевской инициативы реформирования СССР. В подобной ретроспективе «Горби» оказывался реформатором не «вдруг». Его стремление к переменам получало логичную мотивировку. В случае вовлечения в политические процессы в СССР групп, близких по мировоззрению к Горбачеву и его сторонникам, Льюин предрекал не просто победу перестройки, но и «завоевание партии изнутри», т.е. победу в битве за новую эпоху⁶¹. В целом исследование Льюина отличалось исключительным интересом к аграрному вопросу в СССР, а также урбанизационным процессам, но почти не раскрывало «феноменальность» Горбачева, заявленную темой работы. Льюин личным примером демонстрировал характерный для западного восприятия того периода парадокс: он осознал беспрецедентность явления Горбачева-политика и реформатора, но не мог в полной мере ни объяснить, ни описать, в чем она заключалась. «Феноменальность» Горбачева становилась как бы априорным, «самоочевидным» явлением.

Сразу 2 крупных события, связанных с СССР и Горбачевым, ознаменовали для мирового сообщества день 7 декабря 1988 г.⁶²: выступление советского лидера на пленарном заседании 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН с речью под названием «Дорога в будущее» и катастрофическое землетрясение в Армении, разрушившее города Спитак, Ленинакан, Степанаван и Кировакан. По мнению американских издателей, готовивших полный текст речи Горбачева к публикации летом 1989 г., трагические события в Армении отвлекли внимание западного общества, не позволив в полной мере оценить всю важность заявленных Горбачевым инициатив⁶³. Однако по прошествии полутора десятилетий подобная точка зрения отнюдь не очевидна. Для большинства современных аналитиков чрезвычайная важность и значимость речи Горбачева в ООН несомненна. По мнению Д. Мэтлока, занимавшего тогда пост американского посла в Москве, именно прозвучавший с трибуны ООН отказ советского лидера от классовой борьбы как основы внешней политики СССР фактически означал конец холодной войны⁶⁴. В этой речи получили дальнейшее развитие и некоторые идеи, высказывавшиеся Горбачевым раньше, в частности, односторонние инициативы по сокращению советского контингента и вооружений в Европе. Но рискуя сделать первый и, возможно, не самый безобидный для национальной безопасности своей страны шаг, Горбачев, по мнению американских издателей его речи, взывал к ответным действиям мирового сообщества «во имя мирного сосуществования будущих поколений»⁶⁵. Стремление к «миру во всем мире», превратившееся для СССР в заученный лозунг, было оформлено новыми и обезоруживающе понятными фразами. Стало ясно, что можно пробиться к сознанию западной публики даже через казавшиеся непреодолимыми дебри складывавшихся десятилетиями идеологических штампов, стереотипов и страхов. Газеты пестрели броскими заголовками передовиц, сообщавших, что «XXI век начался на этой неделе»⁶⁶. Речь Горбачева в ООН стала одним из «поворотных пунктов» в западном восприятии «Горби», когда лидер «империи зла» трансформировался в сознании американцев и народов других стран в человека, ведущего за собой к новому, лучшему миропорядку. Невероятной фантазмагорией для недавнего прошлого звучали строки редакционной статьи в полнотекстовом издании речи Горбачева в ООН. «Если сейчас

народы и нации упустят шанс объединить свой творческий потенциал и добрую волю с устремлениями Михаила Горбачева, они рискуют получить в трудах грядущих историков репутацию отсталых людей с эгоистично-примитивным мышлением»⁶⁷. Обращение редакторов «к американцам в особенности» звучало как предупреждение: «настал момент отложить привычное мышление эпохи холодной войны, оставить в стороне 40-летние сомнения в том, что от СССР может исходить что-либо хорошее... Какими бы ироничными ни казались нам хитросплетения истории, мы не должны терять время, уподобляясь нашим прежним идеологическим противникам, дабы не упустить этот золотой шанс»⁶⁸. Казалось, «Запад» и «Восток» неожиданно для самих себя менялись местами.

Но еще более важным испытанием для Горбачева в глазах американских наблюдателей стали события первой половины 1989 г.: проведение альтернативных выборов в новый советский парламент, работа I съезда народных депутатов СССР, транслировавшаяся прямо в телеэфире. Уже этого было достаточно, для того чтобы покорить и очаровать западных журналистов, восторженно воспринимавших все радикальные преобразования демократического толка. Его фигура ассоциировалась со всеми демократическими начинаниями в Советском Союзе. Кредит доверия к нему со стороны Запада был к тому времени довольно высок, новый президент Дж. Буш неоднократно высказывал удовлетворенность переменами, происходящими в СССР, выражал надежды на их продолжение и углубление⁶⁹. Внешнеполитические шаги Горбачева также благоклонно воспринимались администрацией США. Однако на страницах американской прессы звучали и опасения относительно возможных последствий столь положительного отношения к горбачевским преобразованиям: по-прежнему сохранялось недоверие к искренности предлагаемых Горбачевым внешнеполитических мер⁷⁰. Что касается стремления Горбачева к демократизации советского общества, то и здесь у американских наблюдателей возникал вопрос: «Стоит ли доверять Горбачеву? Ведь он вырос в этой [тоталитарной] среде, как он может понимать, что такое свобода?»⁷¹. Еженедельник «Ньюсуик» вообще полагал, что «демократия для Горбачева никогда не была самоцелью»⁷². Э. Снайдер, бывший помощник президента Никсона, сотрудник ЮСИА (Информационного агентства Соединенных Штатов) и позднее писал, что политика гласности была призвана «воскресить марксизм-ленинизм с тем, чтобы придать ему легитимность на Западе и внести разлад в альянс демократических стран»⁷³.

От того, какие позиции занял бы Горбачев на I съезде народных депутатов СССР, зависела и степень доверия к нему в США. Сразу же после выборов народных депутатов СССР, на которых потерпели неудачу многие высокопоставленные партийные деятели⁷⁴, 26 марта 1989 г. в «Правде» появилась статья Горбачева. В ней он заявил, что «народ сделал свой выбор», а проигравшим необходимо искать ошибки в своих действиях и исправляться. Часть этой статьи, с комментариями, была напечатана в «Лос-Анджелес Таймс». Фразе Горбачева, обращенной к проигравшим выборы партийным функционерам и вынесенной в заголовок статьи, была дана несколько «рыцарская» окраска: «Ругайте самих себя»⁷⁵. И на самом съезде Михаил Сергеевич, с точки зрения американских СМИ, поначалу вполне успешно справлялся со своей задачей, давая возможность недовольным высказаться перед лицом всей страны, разительно отличаясь в этом плане от своих предшественников⁷⁶. Решение о трансляции заседаний съезда в прямом эфире было воспринято как «смелый поступок». По мнению американских журналистов, «прямой эфир» сыграл огромную роль в строительстве гражданского общества в Советском Союзе⁷⁷. Телекамеры препятствовали возникновению авторитарного стиля председательствования, заставляли депутатов апеллировать к народу. «Главная звезда телешоу», как прозвали Горбачева американские журналисты, не прервал внезапно вырвавшегося к трибуне депутата из Латвии В.Ф. Толпежникова, одобрил предложенную им минуту молчания в память о жертвах разгона мирной демонстрации в Тбилиси, неоднократно давал слово А.Д. Сахарову. Тем не менее масса неожиданностей, не предусмотренных сценарием съезда, не помешала Горбачеву контролировать ситуацию. После нескольких дней заседаний съезда корреспондент «Лос-

Анджелес Таймс» отмечал, что «хотя ему [Горбачеву] по-прежнему удастся держать все в своих руках, делать это становится все сложнее и сложнее»⁷⁸. Поначалу контроль, осуществляемый Горбачевым, характеризовался как необходимость, подчеркивалась его тактичность, однако позже оценки этого контроля претерпели значительные изменения. Ф. Клайнз, обозреватель «Нью-Йорк Таймс», отмечал, что Горбачев «не прислушивается к остальным, перебивает, постоянно звонит в электрический звонок, такой громкий, что звуку его позавидовал бы любой директор школы»⁷⁹. «Тайм» остроумно писал, что за время работы съезда Горбачев освоил как минимум 3 новых профессии: «инспектора манежа, регулировщика дорожного движения и третейского судьи»⁸⁰. С точки зрения американских наблюдателей, во время работы Съезда произошел ряд эпизодов, в основном связанных с А.Д. Сахаровым, когда Горбачев, вел себя «не очень красиво»⁸¹. В целом же, несмотря на некоторые «авторитарные замашки» Горбачева, проявившиеся во время съезда, американская пресса по-прежнему симпатизировала ему, обращая внимание на трудное положение советского лидера, подвергаемого критике, как «справа», так и «слева»⁸².

Парадоксальным, на первый взгляд, образом именно утрата Горбачевым единоличного лидерства в реформаторском процессе, становившаяся все более очевидной со времени I съезда⁸³, привела к признанию западными наблюдателями масштабности и глубины инициированных им перемен в Советском Союзе и в других частях мира. К концу 1980-х гг. западные исследователи от признания масштабных перемен внутри СССР и в мировой политике перешли к поиску ответов на вопрос о причинах несовпадения аналитических прогнозов о судьбе «Советов» при Горбачеве с исторической действительностью. Этот разворот еще в достаточно осторожной форме и с оговорками замечен уже в размышлениях А. Даллина, директора Центра российских и восточноевропейских исследований Стэнфордского университета. По мнению данного аналитика, высказанному еще в апреле 1988 г., происходящие в СССР события «опровергли тех, кто полагал, что советская система вовсе не способна к сколько-нибудь значительным изменениям. Но курс Михаила Горбачева тоже ставит больше вопросов, чем дает ответов на них: насколько глубоки перемены, насколько устойчивы, как далеко они пойдут и какова будет сущность системы, которая возникнет в результате их проведения?»⁸⁴. Спустя немного времени Д. Балзер, директор Русского сектора исследовательских программ Джорджтаунского университета, в работе «Пять лет, которые потрясли мир: Неоконченная революция Горбачева» категорично высказался о том, что «никто не смог бы предугадать масштабы перемен в СССР второй половины 1980-х гг.»; и предсказать «приход к власти молодого лидера, который не только преуспеет в консолидации политической власти, но и выдержит основную атаку неизбежного сопротивления реформам»⁸⁵. К январю 1991 г. Р. Кэйзер уже ставил прямой вопрос: «Почему Горбачев состоялся?» и пытался дать на него ответ, вспоминая «триумфы и поражения» советского лидера⁸⁶. По мнению автора, первый советский президент всего за 5 лет преобразил мир, изменив его до неузнаваемости. События, произошедшие за тот же период в Советском Союзе, получили у Кэйзера недвусмысленное определение «революция»⁸⁷. Для него, в 1971–1974 гг. работавшего в СССР в качестве корреспондента «Вашингтон Пост», изменения, произошедшие на $\frac{1}{6}$ части суши, были очевидны и неоспоримы. «Как могло произойти так много событий за столь короткий период?» – вопрошал автор. И сам же отвечал: «События происходили так стремительно потому, что, демонтируя сталинскую систему, Горбачев действовал совместно с силами истории, а не против них»⁸⁸.

Подобные констатации неизбежно вводили западных экспертов в новое искушение личностью Горбачева, сумевшего преодолеть не только сопротивление реформам, но и, в первую очередь, самого себя. Многие советологи и публицисты расценивали происходящие в СССР процессы как истинные, исторические по своему значению революционные перемены, причины которых сокрыты именно в Горбачеве⁸⁹. Некоторые исследователи склонялись к тому, чтобы видеть в советском лидере человека, нацелившегося на реформы задолго до пика своей политической карьеры. Емкое назва-

ние – «Горбачев: Еретик в Кремле»⁹⁰ – отразило концептуальные основания подобного подхода в работе двух авторов – Д. Додера, в недавнем прошлом шефа московского бюро «Вашингтон Пост», и Луиз Брэнсон, в свое время являвшейся московским корреспондентом лондонской «Санди Таймс». Примечательно, что эти авторы первоначально придерживались кардинально противоположных точек зрения в оценке Горбачева, его потенциала и развития событий после марта 1985 г. Додер возлагал на нового советского правителя гораздо больше надежд, чем Брэнсон, скептически относившаяся к самой возможности каких-либо перемен в СССР⁹¹. В результате 5-летних горячих споров на свет появилась объемная биография. В ее основу были положены, помимо прочего, «живые оценки» советских политиков, историков, социологов, журналистов. Некоторые из них, как отмечали авторы, охотно шли на контакт. В ярко написанной и адресованной широкому кругу читателей книге наиболее подробно были освещены события от прихода к власти Горбачева в марте 1985 г. до конца 1988 г. Более фрагментарно затронуты 1989 г. и первые месяцы 1990 г. Биографии генерального секретаря ЦК КПСС «до Кремля» была посвящена лишь девятая часть исследования. Но именно в ней авторы попытались представить «Горби» как человека, долгие годы готовившего реформы, заранее просчитывавшего каждый свой шаг и целенаправленно шедшего в Кремль. Его жизнь становилась воплощением классической «американской мечты» с легендарно-величественным подтекстом: простой деревенский мальчик стал главой государства ради реформирования тоталитарного режима.

Конечно, политическая судьба Горбачева как реформатора изображалась в американской литературе отнюдь не прямолинейно. Взаимодействуя по необходимости с той реальностью, в которую им приходилось вживаться, американские наблюдатели учитывали в своих оценках и выводах некоторые черты ее традиционной политической культуры. Показательно в этом смысле, что еще в дискуссии, развернувшейся на I съезде народных депутатов СССР по поводу совмещения должностей Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Верховного Совета СССР, как ни удивительно это выглядело на первый взгляд, американские наблюдатели поддерживали Горбачева, а не его демократических оппонентов. В частности, бостонская «Крисчен сайенс монитор» писала, что «только совмещение постов может стать гарантией успеха перестройки»⁹². Вероятно, такая позиция объяснялась их опасениями перед возможностью «консервативного реванша» и вынужденного ухода Горбачева с политической арены, и как следствие – свертывания демократических процессов в СССР⁹³. Сам же Горбачев, с точки зрения американских аналитиков, вступая на путь реформ, воспринимал себя как человека, действующего внутри системы, и не видел противоречия между партийной и демократизацией. Будучи скорее эмпириком, а не интеллектуалом – человеком, которого идеи интересуют как средства, он жил верой в здравый рассудок, был убежден, что люди станут действовать разумно, если им все объяснить. Потому-то Горбачев и оказался не готовым к сопротивлению, с которым он столкнулся со стороны партийного аппарата и консервативного населения. С помощью кампании в пользу расширения гласности, которую Горбачев начал на второй год пребывания у власти, он надеялся сделать своим союзником интеллигенцию и развернуть революцию снизу против старого аппарата. Но высвободившиеся таким способом социальные силы зажали собственную жизнь, вывели предпринятую им революцию из-под его контроля, создав «главный парадокс горбачевского правления – чем больше он стремился рассредоточить власть, тем больше он приходил к выводу о необходимости сконцентрировать власть в своих руках». Перед лицом обступивших его экономических проблем, решений которых у него не было, ухода (breakaway) республик, насилия на межэтнической почве, кризиса Коммунистической партии, дискредитированной и расколотой углубляющимся противостоянием между консерваторами и дезорганизованными поборниками радикальных реформ, которых объединяло только недоверие к Президенту СССР, «Горбачев, очевидно, пришел к выводу, что единственным путем, гарантирующим ему успех, станет возвращение к классической тактике “революции сверху”»⁹⁴. Но, как отмечали впоследствии сами американские наблюдатели и эксперты, проблема, конечно,

заклучалась в том, что «в то время как страна остро нуждалась в руководстве», Горбачев оказался не на высоте предоставленной ему историей роли⁹⁵.

Поиски определенной политической логики в метаморфозах Горбачева как реформатора дополнялись разработкой той же темы в модном для США жанре психобиографии. В подобной ретроспективе личность Горбачева с начала ее взросления неоднократно (6 раз) менялась, проходя череду психологических кризисов. Причем такие переходы принимали для него размеры глубоких личных трансформаций, в результате которых он становился в известном смысле другим человеком. Финалом этой долгой эволюции Горбачева – от приверженца существующего порядка к реформатору, от реформатора к революционеру – стало его превращение к 1990 г. в «квази-демократического лидера», атакуемого со всех сторон и не способного скрывать своего раздражения перед лицом рождающейся в СССР демократии, которую он сам и пробудил. Оставив своего героя в критический для него момент, когда «божество дало трещину», Гейл Шии, политический соредатор нью-йоркского журнала «Вэниити фэр» (Vanity Fair), представила на суд публики жизнеописание «человека, который изменил мир», но чья собственная судьба была полна психологических превращений⁹⁶.

Следует сразу признать, что с точки зрения серьезной аналитики книга Г. Шии была весьма уязвима. На присущие ей отдельные слабости и порочность общего авторского подхода к одной из топ-тем тогдашней американской прессы не преминул указать Ф. Тобман, заместитель редактора вашингтонского издания «Нью-Йорк Таймс», освещавший в 1985–1988 гг. в этой газете ход дел в Советском Союзе. В целом нарисованная Шии картина личных трансформаций Горбачева оценивалась Тобманом как «искусная концепция» (clever concept), подкрепленная местами рядом убедительных свидетельств описываемых мутаций, «но в итоге ее исследование не способно подтвердить сделанных ею выводов». В заключение рецензент не удержался от проведения убийственной методологической параллели: «В конечном счете, обнаруживается любопытное сходство между жесткой коммунистической идеологией, которую г-жа Шии отвергает, и ее собственной идеологией психологического развития. Они обе пытаются сконструировать действительность в соответствии с заранее представленным образом мироздания»⁹⁷.

Характерно, что наряду с термином «феномен Горбачева» в обиход американских наблюдателей и аналитиков вошел и другой – «загадка Горбачева» (the enigma of Mr. Gorbachev), словно указывавший на то, что феномен все еще не раскрыт. На эту сторону дела вскоре после завершения государственного визита Президента СССР в США (30 мая – 4 июня 1990 г.) обратил внимание М. Шульман, бывший директор, а в ту пору профессор-эмеритус международных отношений Гарримановского института по углубленному изучению Советского Союза Колумбийского университета. «Лицо Михаила Горбачева стало таким привычным, что нам кажется, – писал Шульман, – что мы его знаем лучше, чем знаем на самом деле. И, несмотря на его потрясающую популярность среди американцев, которая была продемонстрирована две недели назад, он остается в действительности таинственной и неразгаданной фигурой, и будет становиться таковой еще больше, по мере того, как испытываемые им затруднения станут множиться». Далее Шульман раскрыл, какие именно, на его взгляд, неясности и дилеммы американскому интеллектуальному сообществу необходимо для себя прояснить и решить, чтобы «разгадать загадку г-на Горбачева». «Мы не знаем в действительности, прежде всего, каким образом получилось, что человек, достигший вершин на службе Коммунистической партии, превратился в такого радикального реформатора. Мы также не знаем толком, начинал ли он свою деятельность с намерением осуществить контролируемые изменения в советской системе, чтобы спасти ее от стагнации, только совсем недавно убедившись, что привел в движение лавину неожиданных последствий и обнаружив самого себя председательствующим при упадке партии и дезинтеграции советской империи, а возможно, и Советского Союза. На персональном уровне мы не можем быть уверены, кто же он – окруженный такими трудноразрешимыми проблемами, как экономический коллапс, движение к независимости прибалтийских и дру-

гих национальных республик, насилие, имеющее место среди национальных групп на юге и поляризация советской политической жизни – настоящий политический боец, ведущий умную тактическую игру, или же, как его критики и даже некоторые из его соратников теперь говорят, – упрямый, негибкий, самонадеянный человек... Не ясно, представляют ли его нынешние усилия сосредоточить в своих руках авторитарную власть его личную любовь к власти, или вынужденное принятие им необходимости в сильном авторитарном руководстве для того чтобы осуществить переход к рыночной экономике и самоуправлению в рамках правового порядка. Нет ясности и в том, о чем свидетельствуют сохраняющиеся – даже и с увеличенными полномочиями – колебания и промедления Горбачева – о его личной нерешительности, понятном истощении присущего ему феноменального запаса жизненных сил, или же о нашей недооценке комплексного сопротивления, с которым он сталкивается»⁹⁸. В том же году, когда был сформулирован этот каскад все еще не разрешенных вопросов, А. Улам, директор Русского исследовательского центра в Гарварде, уже приветствовал «желанный отход от чрезмерно поглощенных Горбачевым дискуссий» о трансформационных процессах в СССР⁹⁹.

Работа IV съезда народных депутатов СССР (декабрь 1990 г.), в ходе которого «альянс Горбачева с консерваторами проявился в открытой форме»¹⁰⁰, вызвала у американских наблюдателей настороженное отношение¹⁰¹. Комментируя итоги работы IV съезда, «Нью-Йорк Таймс» в редакционной статье снова сформулировала сакраментальную дилемму, волновавшую умы американских наблюдателей: «Кто же такой Михаил Горбачев? Нестандартно мыслящий реформатор, подталкивающий Советский Союз к самопроизвольным преобразованиям, или же легкая добыча для реакционеров, которые требуют от него присвоить себе побольше власти и спасти Союз любой ценой. У американцев есть основания удивляться и повод для беспокойства». Вполне допуская, что «тактический союз г-на Горбачева приведет к возвращению реакционеров и подрыву реформ», газета возлагала надежду не только на самопроизвольное развитие идущей в стране социально-политической трансформации, но и на просвещенный ум Президента СССР: «Еще недавно представлявший собой крестьянскую страну, Советский Союз все больше становится городским, образованным и открытым миру обществом. Г-ну Горбачеву все это известно, и более того: он знает, что технологический прогресс не может происходить без свободных дискуссий и что социальное обновление невозможно без ослабления доминирования Центра»¹⁰². Вместе с тем американская пресса все чаще приходила к выводу, что речь надо вести не только о том, как Горбачев стал сторонником реформ, но и о том, почему он стал «совсем недавно действовать в качестве тормоза для многих из начатых им самим перемен»¹⁰³. Для умонастроения американских наблюдателей и экспертов к концу 1990 г. характерна небольшая газетная полемика, возникшая вокруг книги Х. Смита «Новые русские»¹⁰⁴. Автор работал одно время московским корреспондентом газеты «Нью-Йорк Таймс», а его книга оказалась в числе отмеченных газетой бестселлеров декабря 1990 г.¹⁰⁵ Причем начало этой любопытной полемики было положено еще примерно за неделю до открытия IV съезда народных депутатов СССР (17–27 декабря 1990 г.). Представляя книгу Смита в выпуске «Нью-Йорк Таймс» от 9 декабря 1990 г., известный русист Ф. Старр, президент Оберлинского колледжа (штат Огайо) и бывший ученый секретарь Кеннановского института в Вашингтоне, охарактеризовал ее как «горбоцентричную» (gorbocentric), а самого автора как «сторонника точки зрения, согласно которой все перемены [в СССР] происходят по инициативе Михаила Горбачева и зависят от продолжения его деятельности»¹⁰⁶. В своей ответной реплике, опубликованной «Нью-Йорк Таймс» спустя несколько дней после завершения IV съезда народных депутатов СССР, Смит решительно отмежевался от упреков в «горбоцентричности». «Это совершенно не верно, – писал раздраженный автор, – моя книга утверждает противоположное», сославшись хотя бы на то, что в своей книге он намеренно пренебрег именем Горбачева в заголовке и отразил деятельность других сторонников перемен. И в книге, и в газете Смит, выступая от имени американского экспертного сообщества, утверждал, что «слишком долго наше внимание было

сконцентрировано на Горбачеве и на том, сможет ли он “сделать это”, но наиболее важные вопросы идут дальше самого Горбачева». Из этого следовал принципиальный вывод, что «со временем мы увидим Горбачева как переходную фигуру»¹⁰⁷. Как показали наблюдения, сделанные американскими экспертами спустя полтора года непосредственно в Москве, это предсказание оказалось верным. В августовские дни 1991 г. горбачевские начинания в области политической свободы и экономических перемен пользовались широкой поддержкой, несмотря на то, что он сам ее потерял¹⁰⁸.

Американское восприятие менявшегося социально-политического облика СССР во многом воспроизводило противоречивость, свойственную происходившим в стране процессам. Это находило выражение и в тех случаях, когда «человеческое измерение» перемен уступало место системному анализу постепенной эрозии старой социально-политической модели, попыток ее структурного реформирования и нараставшей дезинтеграции. Разделение экспертного сообщества США на «пессимистов» и «оптимистов» в отношении Перестройки было во многом связано не только с характерным для американской советологии столкновением «тоталитарной» модели и «ревизионистского» образа мыслей, но и с анализом советской реформации в разных пространственных измерениях: взгляд на менявшийся Советский Союз с учетом событий, происходивших, прежде всего, в Москве, и международных последствий Перестройки существенно корректировался «отрезвляющим» взглядом на нее из российской глубинки¹⁰⁹.

Но даже с уходом Горбачева с политической сцены «горбоцентричность» американского взгляда на Перестройку и обусловленные этой политикой перемены, не ушла из американской аналитики совсем, прежде всего, потому что такой «сконцентрированный» взгляд во многом отражал реалии происходивших в СССР 1985–1991 гг. процессов. Уже после падения восточноевропейских коммунистических режимов и распада СССР, в начале 1992 г. американские аналитики снова вернулись к объяснениям, которые давались причинам Перестройки и роли ее архитектора. К началу 1990-х гг. среди большинства исследователей Советского Союза возобладало мнение, согласно которому решающая перемена, обусловившая Перестройку, произошла тогда, когда фактическое отставание страны от «индустриальных наций» было осознано не только элитой, но и растущим числом русских. Радикальная перемена в настроении страны, вызванная пониманием неизбежности при сохранении статус-кво постоянного ухудшения качества жизни, общей стагнации, отсутствия каких-либо новых идей и инициатив со стороны престарелого руководства, и вызвала, в конечном счете, ту революцию, которая случилась при Михаиле Горбачеве¹¹⁰. Но, как заметил У. Лакёр, председатель Международного ученого совета Центра стратегических и международных исследований (одного из основных «мозговых центров» Республиканской партии США) при Джорджтаунском университете, «также верно, что те же самые болезненные проблемы испытывали Китай, Северная Корея, Вьетнам и Куба, но уже без тех же политических последствий». Коммунистические режимы в этих странах не были разрушены вовсе, а в Советском Союзе и Восточной Европе запаса прочности им хватило бы в принципе на десяток лет, а то и больше. Ирония истории, по мнению американских экспертов, заключалась в том, что личностный фактор играл большую, иногда решающую роль в судьбах коммунистической системы, которая, по крайней мере, на теоретическом уровне отрицала его значение¹¹¹. Именно сравнение процессов, происходивших в нашей стране и в ряде других стран «социалистического лагеря», высвечивало для американских экспертов особую роль личностного фактора в том, как складывались судьбы коммунистической системы в разных странах и с разными лидерами.

Примечания

¹ Ларионова Н.Л. Американская советология о перестройке в Советском Союзе и принципах нового политического мышления (1986–1991 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1992; Рябцева Е.Е. Внешнеполитические предпочтения американской общественности (вторая половина XX века). Астрахань, 2001; Поварницын Б.И. Англо-американская историография национальной политики

СССР и постсоветских государств, 1985–2000 гг. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003; *Лантева Е.В.* Американское руссифицирование: Образ России. Пермь, 2004; *Здравомыслова О.М.* Перестройка и «фактор Горбачева» в общественном мнении Запада и СССР, 1985–1991 // Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (Критический анализ). М., 2005. С. 354–374; *Дроконова О.Н.* «Феномен Горбачева» и его эпоха в американско-британских источниках и исследованиях 1980-х–1990-х гг. Дис. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2006; *Malia M.* Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge (Mass.), 1999; и др.

² *Bialer S.* The Soviet Paradox: External Expansion, Internal Decline. N.Y., 1986. P. 109.

³ Точка старта. СССР до перестройки (09.03.2005) // Международное информационно-аналитическое агентство Washington Profile: <http://www.washprofile.org/ru/node/738>

⁴ *Uhlig M.* Gorbachev at First Glance // The New York Times (далее – NYT). 1985. March 24.

⁵ *Austin A.* Mikhail among The Byzantines // NYT. 1986. December 14.

⁶ *Butson Th.* Gorbachev. A Biography. N.Y., 1985.

⁷ *Sidey H.* The Presidency: Measure of the Man // Time. 1985. March 25.

⁸ Time. 1985. March 25.

⁹ Remarks and a Question-and-Answer Session With Regional Editors and Broadcasters. March 11, 1985 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. Electronic text data. Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library. Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1985/31185a.htm>

¹⁰ *Мэтлок Дэс.Ф.* (мл.) Рейган и Горбачев: Как окончилась «холодная война»... и все выиграли / Пер. с англ. М., 2005. С. 126.

¹¹ *Cohen S.F.* Sovieticus: American Perceptions and Soviet Realities. N.Y.; L., 1985.

¹² Ibid. P. 75–77.

¹³ The Gallup Poll #258G. 10/11/1985-10/14/1985 [Electronic resource] // The Gallup Poll. Electronic text data. Princeton, NJ: The Gallup Organization. Mode of access: <http://brain.gallup.com/documents/questionnaire.aspx?STUDY-AIPO1258>.

¹⁴ The Gallup Pre-Summit Poll. 11/13/1985-11/14/1985 [Electronic resource] / The Gallup Poll. Electronic text data. Princeton, NJ: The Gallup Organization. Mode of access: <http://brain.gallup.com/documents/questionnaire.aspx?STUDY-NEWSWEEK85263>.

¹⁵ Докладная записка [Чрезвычайного и полномочного посла СССР в США] А. Добрынина о реакции в США на выступления М.С. Горбачева по телевидению (Архив Горбачев-фонда, ф. 2, оп. 1, д. 61, л. 1–2).

¹⁶ *Gorbachev M.S.* The Coming Century of Peace. N.Y., 1986.

¹⁷ *Medvedev Zhores.* Gorbachev. N.Y., 1986. P. IX.

¹⁸ Ibid. P. 189.

¹⁹ Ibid. P. 186.

²⁰ Ibid. P. 228.

²¹ Ibid. P. 237.

²² *Schemann S.* The Search for Gorbachev // NYT. 1986. July 20.

²³ *Doder D.* Shadows and Whispers: Power Politics Inside the Kremlin From Brezhnev to Gorbachev. N.Y., 1986.

²⁴ Ibid. P. 282.

²⁵ Ibid. P. 255–256, 266–267.

²⁶ Ibid. P. 252.

²⁷ Ibid. P. 276.

²⁸ Ibid. P. 306.

²⁹ Ibid. P. 321.

³⁰ *Bialer S.* Op. cit. P. 109.

³¹ Ibid. P. 110.

³² Ibid. P. 110–111.

³³ Ibid. P. 122.

³⁴ Ibid. P. 123.

³⁵ Ibid. P. 124.

³⁶ Ibid. P. 128.

³⁷ Ibid. P. 129.

³⁸ Ibid. P. 142.

³⁹ *Reddaway P.* Getting Stronger, Getting Weaker? // NYT. 1986. July 27.

⁴⁰ Помимо цитированных выше см. также: *Schmidt-Hauer C.* Gorbachev: The Path To Power. Salem House, 1986; *Goldman M.* Gorbachev's Challenge. Norton, 1987; *Owen R.* Comrade Chairman:

Soviet Succession And The Rise of Gorbachev. Arbor House, 1987; *Zmetsov I.* Gorbachev: Between Past And Future. Hero Books, 1987; *Sullivan G. M.* Gorbachev. Messner, 1988, etc.

⁴¹ См.: *Mandelbaum M., Talbott S.* Reagan and Gorbachev. N.Y., 1987.

⁴² *Goldman M.* They're minding the Arsenal // NYT. 1987. January 25. P. 7.

⁴³ *Frankland M.* The Sixth Continent. Russia and the Making of Mikhail Gorbachev. N.Y., 1987.

⁴⁴ *Whitney C.* Sizing Up Moscow // NYT. 1987. November 22. P. 18.

⁴⁵ Mikhail S. Gorbachev: An Intimate Biography / By the editors of «Time» Magazine, with an Introduction by Strobe Talbott / Edited by Donald Morrison. N.Y., 1988. P. 4.

⁴⁶ Горбачев не совершил чуда, однако он не был и богом (09.03.2005) // Международное информационно-аналитическое агентство Washington ProFile: <http://www.washprofile.org/ru/node/739>.

⁴⁷ The Gallup Poll # 269 G. 10/24/1986–10/27/1986 [Electronic resource] / The Gallup Poll. Electronic text data. Princeton, NJ: The Gallup Organization. Mode of access: <http://brain.gallup.com/documents/questionnaire.aspx?STUDY-AIPO1269>.

⁴⁸ The Gallup Poll # 278 G. 07/10/1987–07/13/1987 [Electronic resource] / The Gallup Poll. Electronic text data. Princeton, NJ: The Gallup Organization. Mode of access: <http://brain.gallup.com/documents/questionnaire.aspx?STUDY-AIPO1278>.

⁴⁹ Внутри президентской администрации не было единства в отношении к переговорному процессу с СССР. См.: *Мэтлок Дж. Ф.* (Мл.) Указ. соч. С. 128–130, 273–274; и др.

⁵⁰ Mikhail S. Gorbachev: An Intimate Biography...

⁵¹ Ibid. P. 8.

⁵² Ibid. P. 10.

⁵³ Ibid. P. 9.

⁵⁴ Gorbachev's Reforms: US and Japanese Assessments / Juviler P., Kimura H. Editors. N.Y., 1988.

⁵⁵ Ibid. P. 63.

⁵⁶ Ibid. P. 1.

⁵⁷ Ibid. P. XI.

⁵⁸ Транскрипция фамилии этого американского советолога в отечественной литературе, как «Левин», не соответствует ее звучанию на английском языке.

⁵⁹ *Lewin M.* The Gorbachev Phenomenon: A Historical Interpretation. Berkeley; Los-Angeles, 1988.

⁶⁰ Ibid. P. VII.

⁶¹ Ibid. P. 149.

⁶² День был особо значим для американцев, поскольку 7 декабря 1941 г. с нападения японцев на Перл-Харбор для США началась Вторая мировая война.

⁶³ *Oliver D., Polese R.* Toward a World That Works Together / Gorbachev M. A Road To The Future: Address by Mikhail Sergeyevich Gorbachev, General Secretary of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, Chairman of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, at the plenary meeting of the Forty-third Session of the United Nations General Assembly, In New York, Wednesday, December 7, 1988. P. 5.

⁶⁴ *Matlock (Jr.) J.* The Poor Neighbor // NYT. 1999. April 11. P. 11.

⁶⁵ *Oliver D., Polese R.* Op. cit. P. 5.

⁶⁶ Ibid. P. 6.

⁶⁷ Ibid. P. 7.

⁶⁸ Ibid. P. 8.

⁶⁹ President Wishes Gorbachev Well on Soviet Change // NYT 1989. May 25. Front Page.

⁷⁰ What is East-West Policy? // NYT. 1989. May 25. P. A26.

⁷¹ Time. 1989. April 10.

⁷² *Coleman F.* Red Storm Over Gorbachev // Newsweek. 1989. June 5. P. 12.

⁷³ *Snyder A.A.* Warriors of Disinformation: American Propaganda, Soviet Lies and the Winning of Cold War. N.Y., 1995. P. 180.

⁷⁴ *Шубин А.В.* Парадоксы Перестройки: Упущенный шанс СССР. М., 2005. С. 329.

⁷⁵ *Parks M.* Criticize Yourselves, Pravda Tells Election Losers // The Los Angeles Times. April 2. 1989. P. 6.

⁷⁶ *Coleman F.* Smashing the Taboos // Newsweek. 1989. June 12. P. 16.

⁷⁷ *Clines F.* Soviet TV's Biggest Hit: 200 Million Watch Political Drama // NYT. 1989. May 31.

⁷⁸ *Parks M.* Soviet Premier Admits Poor Planning, Urges Radical Reforms to Bolster Economy // The Los Angeles Times. 1989. June 8. P. 8.

⁷⁹ *Clines F.* Deputies In Soviet Congress Learn That Party Still Wins // NYT. 1989. May 28. Front Page. См. также: *Remnick D.* Lenin's Tomb. N.Y., 1993. P. 222.

- ⁸⁰ Doerner W. USSR // Time. 1989. June 5. P. 18.
- ⁸¹ Clines F. Sakharov Draws Wrath in Stormy Soviet Congress // NYT. 1989. June 3; Keller B. Soviet Congress Ends With one Last Spat // NYT. 1989. June 10. Front Page.
- ⁸² Parks M. Party Picks Gorbachev as Nominee for President at People's Congress // The Los Angeles Times. 1989. May 23. P. 8.
- ⁸³ Соргин В.В. Политическая история современной России. 1985–1994: От Горбачева до Ельцина. М., 1994. С. 55.
- ⁸⁴ Dallin A. Breaking away from Lenin // NYT. 1988. April 24. P. 15.
- ⁸⁵ Five Years That Shook The World: Gorbachev's Unfinished Revolution / Edited by Harley D. Balzer. Boulder, San Francisco. Oxford. 1991. P. 1.
- ⁸⁶ Kaiser R.G. Why Gorbachev Happened: His Triumphs and His Failure. N.Y., 1991.
- ⁸⁷ Ibid. P. 11.
- ⁸⁸ Ibid. P. 401.
- ⁸⁹ Glasnost, Perestroika, and the Socialist Community / Edited by Charles Bukowski and J. Richard Walsh. N.Y., L., 1990. P. IX.
- ⁹⁰ Doder D., Branson L. Gorbachev: Heretic in the Kremlin. N.Y., 1990.
- ⁹¹ Ibid. P. VII.
- ⁹² Quinn-Judge P. Quiet Revolution in Soviet Congress // The Christian Science Monitor. 1989. June 2. P. 3.
- ⁹³ A Jolt to the Party // Newsweek. 1989. April 10. P. 9.
- ⁹⁴ Shulman M. How Well Do We Know This Man? // NYT. 1990. June 17. P. 5.
- ⁹⁵ Gwertzman B. Present at the Re-Creation // NYT. 1992. August 23. P. 5.
- ⁹⁶ Sheehy G. The Man Who Changed the World. The Lives of Mikhail S. Gorbachev. N.Y., 1990.
- ⁹⁷ Taubman Ph. Gorbachev's Passages // NYT. 1990. December 16. P. 9.
- ⁹⁸ Shulman M. Op. cit. P. 5.
- ⁹⁹ Ulam A. Does the Credit go to the Kremlin? // NYT. 1990. April 8. P. 14.
- ¹⁰⁰ Соргин В.В. Указ. соч. С. 82.
- ¹⁰¹ Keller B. Gorbachev names a Party Loyalist to Vice Presidency // NYT. 1990. December 27. P. 1; Fein Esther B. In Hard Battle, Gorbachev Gets Aide He Chose // NYT. 1990. December 28. P. 1.
- ¹⁰² Is Mr. Gorbachev Turning Tail? // NYT. 1990. December 29. P. 22 (редакционная статья без подписи).
- ¹⁰³ Taubman Ph. Gorbachev's Passages // NYT. 1990. December 16. P. 9.
- ¹⁰⁴ Smith H. The New Russians. N.Y., 1990.
- ¹⁰⁵ См.: Best Sellers: December 16, 1990 // NYT. 1990. December 16. P. 30.
- ¹⁰⁶ NYT. 1990. December 16.
- ¹⁰⁷ Smith H. Gorbachev and the New Russians // NYT. 1990. December 30. Sunday. P. 4.
- ¹⁰⁸ См.: Billington J. Russia Transformed: Breakthrough to Hope Moscow, August 1991. N.Y., 1992.
- ¹⁰⁹ См.: Kotkin S. Steeltown, USSR: Soviet Society in the Gorbachev Era. Berkeley: University of California Press. 1991.
- ¹¹⁰ См.: Ulam A. The Communists. The Story of Power and Lost Illusions: 1948–1991. N.Y., 1992.
- ¹¹¹ Laqueur W. To the Dustbin of History // NYT. 1992. March 29. P. 13.

© 2010 г. А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ*

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА И РОССИЯ: через 20 лет после падения Берлинской стены

Крушение коммунизма как проекта мирового переустройства в конце XX в., распад СССР и формирование новых государств в Центральной и Восточной Европе составляют переломный этап мирового исторического развития, масштабы и содержа-

* Медушевский Андрей Николаевич, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Российская история».